

Н. В. Чикина

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В ВЕПСКОЙ ПРОЗЕ¹

Анализируются автобиографические повести вепсских прозаиков В. Пулькина и А. Петухова как ценные источники историко-этнографического материала. Теоретическую основу исследования составили труды И. Ю. Винокуровой, Н. А. Криничной, И. А. Спиридоновой. Актуальность темы обусловлена необходимостью введения в научный оборот новых источников о жизни вепсов. Методология исследования опирается на системный подход, в основу которого положены сравнительно-исторический, структурно-семиотический и метод целостного анализа текста. В ходе работы были поставлены следующие задачи: выявить и охарактеризовать основных мифологических персонажей вепсской прозы; описать этнографические элементы (архитектура, быт, обряды); определить уровень репрезентативности имеющегося литературного материала. Одной из проблем в настоящее время остается интеграция повествовательных форм, трансформация данных из них для использования в различных отраслях наук. Вепсская литература становилась предметом исследования Н. Г. Зайцевой, А. И. Мишина, З. И. Строгальщиковой, но этнографические элементы, мифологические персонажи, являющиеся составляющей частью культуры малого народа, оказались на периферии теоретического осмысления. Научная новизна заключается во введении этнографических мотивов в аналитический контекст национального литературоведения.

В ходе анализа произведений вепсов выявлены и охарактеризованы мифологические персонажи Мец Ижанд (леший), Коды Ижанд (домовой), Ичхейне (своя душа), Ведхийне (водяной). Кратко описаны представленные в повестях этнографические элементы вепсской культуры: убранство дома, обряды и верования. Исследователь пришла к выводу, что вепсская проза строится на основе принципов документальности, историзма, автобиографизма и коммеморативности. Этнографические элементы, мифологические персонажи, встречающиеся в повестях В. Пулькина и А. Петухова, обладают достоверностью, подтверждаемой научными исследованиями, обнаруженными в исторических, географических и других источниках. Художественные произведения могут служить материалом для других наук, но с учетом элементов вымысла.

Ключевые слова: проза, вепсы, литература, мифология, «хозяева»

Язык и культура вепсов становились предметом изучения как российских (В. В. Пименов, И. Ю. Винокурова, З. И. Строгальщикова), так и зарубежных (Р. Грюнталь, Л. Сирагуза, Х. Карьялайнен) исследователей. Известный венгерский исследователь литератур финно-угорских народов П. Домокош писал: «Вепсы до 1990-х годов казались вымирающим народом, их письменность канула в прошлое. В последнее время выросло количество населения, и уже на существующей базе письменности писателями и поэтами создается настоящая литература – на своем родном языке» (Домокош, 2003: 296). Говорить о росте вепсского населения в настоящее время едва ли представляется возможным, скорее всего, вепсы просто «вышли из тени».

Понятие «вепсская литература» включает в себя сразу несколько факторов, определяющих его. Это может быть литература, написанная на вепском языке (вепсоязычная), в основу которой положен языковой принцип. Этническая литература, когда национал, пишет, например, на русском или неродном языке. Если брать во внимание тематический принцип – писатели, пишущие о вепсах, – термин «вепсская литература» еще более расширяется. Разница во мнениях связана именно с подходами, положенными в основу этого понятия.

Исследованием вепсской литературы в Карелии занимались Н. Г. Зайцева, А. И. Мишин, И. А. Спиридонова, З. И. Строгальщикова, Н. В. Чикина. В истории развития вепсской литературы условно можно выделить три периода: 1) 1920–1930-е годы; 2) 1940–1980-е годы; 3) 1990–2010-е годы.

В первом периоде была предпринята попытка создания вепсской письменности на латинской графической основе с последовавшим созданием учебной литературы. Одновременно

¹ Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН № 121070800089-0.

начата работа по сбору, обработке и сохранению фольклорного наследия вепсов. Художественной литературы в то время создать не удалось, переводная представлена единичными публикациями.

В период с 1940 по 1980-е гг. литература на вепском языке не развивалась. Писатели вепсы творили на русском языке. Становление литературы у вепсов, начиная с 1990-х годов, тесно связано с вопросами национального самосознания, созданием письменности и развитием литературной традиции.

В первую очередь стала создаваться вепская учебная литература, возникшая из потребностей просвещения. Если в 1920-е годы на первое место выходила ликвидация неграмотности, то в конце XX в. просветительство заключалось в ознакомлении подрастающего поколения с языком и традициями вепского народа.

На рубеже XXI в. перед пишущими на вепском языке авторами открылись новые возможности для органического слияния творчества с важнейшими проблемами жизни народа, выражения народных устремлений и чаяний, представлений о прекрасном. В известной степени литература на вепском языке в этот исторический период переживала тот этап ускоренного развития, через который прошли младописьменные литературы Советского Союза в 1920–1930-е гг.

Среди вепсов распространено двуязычие, которое следует оценивать дифференцированно. Есть писатели, пишущие только на своем родном языке (Н. Зайцева, А. Андреева, О. Жукова). Другие же выбирают языком творчества русский (П. Васильев, О. Мошников). И лишь единицы двуязычны как в устной речи, так и на письме (Н. Абрамов, М. Башнин).

К одной из актуальных тем современного литературоведения можно отнести вопросы отражения исторической памяти в автобиографических произведениях. Особенно это касается малых народов, чье историческое наследие порой приходится по крупицам собирать из воспоминаний старожилов, отдельным записям этнографов и других исследователей. И. Ю. Винокурова, говоря о важности такого изучения этносов на примере ингерманландских финнов, писала: «Сегодня реконструкция культуры финнов Ингерманландии, выявление ее этнической специфики зависят от привлечения новых источников. Одним из таких продуктивных источников являются художественные произведения» (Винокурова, 2018: 9).

Ранее мы обращались к анализу произведений об ингерманландских финнах (Чикина, 2018: 266–271) и селькупах (Чикина, 2016: 137–140). Настоящее исследование касается художественной прозы, описывающей обряды и верования вепсов. Предметом анализа стали автобиографические повести Василия Андреевича Пулькина (1922–1986), уроженца вепского села Нюрговичи Ленинградской области, и Анатолия Васильевича Петухова (1934–2016), уроженца вепского села Шимозеро Вытегорского района Вологодской области.

В языковом отношении вепсы Карелии более ассимилированы по сравнению с вепсами Ленинградской и Вологодской областей, однако оба названных выше прозаика писали на русском языке, но их вклад в развитие вепской литературы неоспорим (Спиридонова, 2000: 391–419). На ценность творчества В. Пулькина как историко-этнографического источника указывала А. А. Титова (Титова, 2016: 198–206).

Так, В. Пулькин в повести «Глубокие воды Корбъярви» подробно описывает хозяйство и убранство вепской избы: «Избенка у Федора небольшая, в четыре стены, по десять шагов в длину каждая. Богатства никакого. Одежи – только на себя надеть. Посуды – чтобы стол накрыть. Скота – лошаденка, корова, овечка да пяток кур с петухом. Харчей – на неделю-две от силы. Убранство избы самое простое: справа от дверей – печь на четверть избы с черной топкой, со сверчком в углу да с тараканьим шорохом. Слева – скрипучая деревянная кровать. У печи рундук, он же одновременно служит лавкой и входом в подполье. На стене между печкой и дверью – длинный деревянный гвоздь. На нем висит глиняный безносый умывальник. На него же Федор вешает на ночь сбрую для сушки. Под умывальником большая лохань.

В ней Анисья запаривает корм скоту. Вдоль стен во всю длину широкие деревянные лавки. На стенах вешалки для одежды. К красном углу – стол на крестовинах вместо ножек. Над столом на согнутом гвозде керосиновая лампа. В углу божница со Спасом и Тихвинской Богоматерью. Напротив печи – залавок для посуды. Он служит столом для стряпухи. На залавке стоит квашня. В углу у печи ухваты, кочерга, метла с длинной ручкой и большие железные клещи. Ими Анисья перекладывает камни в лохань, чтобы запарить мякину или согреть воду для скота. Под печью за деревянной решеткой живут куры. Около печи кадка для воды ведер на шесть. На крышке большой медный ковш. Изба со двором связана холодными сенями. В сарае зимой хозяева держат сохи, бороны, хранят корма. Летом Анисья убирает туда свой ткацкий станок, станины, прялку, льнотеребилку... Рядом с избой амбар. Он пуст. Домишко у Федора совсем ветхий» (Пулькин, 2016: 106–107).

Семью вепсы создавали достаточно рано. В XIX в. браки между ними заключались в возрасте пятнадцати-семнадцати лет, так как в доме была нужна хозяйка, работница. Роды принимала бабка-повитуха. Существовала народная примета, если ребенок родился в «рубашке», значит счастливый. Детей рождалось много, до двадцати у одной женщины, но выживало меньше половины. Так, в семье Федора и Анисьи осталось только шесть детей. Соску делали из хлеба.

Этнографическими дополнениями является описание блюд вепсской кухни: сеньпирг (пирог с волнушками), колобы, толокняные калитки, сканцы, пшенная каша, пиво; бытовых предметов: самовар, кошель, литовка (коса), лампадка, чересседельник. Употребление антропонимов (Олёша, Ондрий, Кирша) и топонимов (Кольмъярви, Оять, Сермакса, Мустъярви, Ярви) подчеркивают национальный колорит и места проживания этноса.

Вепсы ощущают в природе языческое божественное начало, что выражается в ее особом почитании и поклонении, соблюдении особых правил и традиционных обрядов, целью которых является достижение гармонии человека с ней. Вепсов называют лесным народом. Эта особенность проявляется не просто местом их компактного проживания, но и отношением к лесу. Духи природы от дома до леса относятся к «низшей» мифологии.

Е. П. Фотеев писал: «Вепсы, приняв православие, сохраняли уважение к языческим верованиям своих предков вплоть до рубежа XIX–XX веков» (Фотеев, 2021: 154). Именно вепсский колорит, дополненный мифологическими персонажами, придает произведениям В. Пулькина национальную окраску. Анисья подробно рассказывает внуку о том, что Мец Ижанду (хозяину леса) должны поклоняться все – и люди, и животные, а человек прежде всего, так как он без леса прожить не может. Дом, дрова, одежда, еда – все из лесного материала. Хозяин леса – добрый старик, но скупого или злого человека он может напугать, напустить на него какое-нибудь приведение, а то и зверя (медведя, росомаху, волка, рысь). Порядочный человек живет в лесу как дома. Подтверждением этому является образ охотника Ондрия Бобрикова, имевшего избушку на берегу тихого лесного озера. Лес он любил и доверял ему самые сокровенные мысли. Именно здесь Ондрий был в своей стихии.

Автор в произведении приводит многочисленные приметы, старинные поверья, запреты. Так, Ондрий перед охотой приносит жертву Мец Ижанду: за деревней в первый куст на левой руке бросил зерен овца, серебряную монету, птичьих перьев. Овес – за разрешение охотиться на земле, серебро – под землей, перья – в воздухе. Эти заветы Пулькин повторяет несколько раз в повести. Сначала, описывая поход на охоту Ондрия, потом Анисья рассказывает об этом внуку Леше. Отсюда, например, и знание детьми с малых лет того, что надо просить разрешение у Мец Ижанда даже на сбор грибов и ягод.

Мец Ижанд (Винокурова, 2015: 280–286) – дух, воплощающий лес; черт, главная задача которого забота о лесном «хозяйстве», включающем растительность и животных. Ему надо все время давать работу, чтобы на весь «обход» хватило, например, считать звезды на небе, свить из пыли веревку и подняться по ней на небо, считать травы на земле. Существует запрет

говорить фразу: «Иди к лешему!», так как человек или животное сразу же окажется у Мец Ижанда. В повести дается совет, как выйти из леса, когда заблудился: нужно раздеться, встряхнуть одежду несколько раз, одеть снова и пойти в ту сторону, куда смотрел, совершая обряд. Федор, оставаясь на ночлег в лесу, просит разрешения у елки и Мец Ижанда. И. Ю. Винокурова писала: «Ель у вепсов считалась оберегом, поскольку расположение иголок на концах веток напоминало крест» (Винокурова, 2003: 435). Мец Ижанд (леший) может принимать разный облик: зверя, птицы, насекомого, а может превратить человека в животное и обратно. Может вступать в контакт с пастухом. Власть над Мец Ижандом имеет только Тедай Мезь – колдун, который от Бога получает разрешение.

Еще один хозяин (ижанд), с которым может встретиться человек в природе, водяной. Так, охотник Ондрий старался жить со всеми ижандами в ладу, особенно с Ведхийне (водяным). Образ водяного в повести представлен образом доброго старика, которого надо умиловать, но если обойтись с ним неуважительно, то сразу же наступала беда. Ни один год не обходился в Корбъярви, чтобы кто-то не утонул. Чтобы задобрить водяного, надо было бросить в воду шепотку табака и корочку хлеба.

Об отношении вепсов к водоемам В. Пулькин пишет так: «Вообще вепсы не мыслят своей жизни без воды. В воде они находят себе пищу. По ней держат связь со своими соседями, возят грузы. Да и само название вепсы получили от слова “вэзи” – вода» (Пулькин, 2016: 105). По первому зову вепсы помогали людям переправляться через водоемы.

Мифология вепсов пронизывает все произведения Пулькина. Повесть «Возвращение в сказку» не является исключением. Даже дети знают, что перед тем, как попить из ручья, надо попросить разрешения у водяного, иначе он утащит кого-нибудь из семьи. Вот какой портрет водяного представлен в повести: старик худющий, бородачи, усищи, уши с лопату – торчком.

Упоминание водяного (ведхийне) и заговор на хороший улов роднит автора с героем произведения «Водораздел» севернокарельского писателя Николая Яккола и подчеркивает веру вепсов в мифологических персонажей. О жизни в водоемах, поверьях и запретах, верованиях о водяных написал А. Петухов в повести «Люди суземья».

Согласно преданию, в озере в Черной яме обитал ким-ярский Черный водяник. «При средней глубине озера в три сажени теперь под лодкой было тридцать шесть сажен. Здесь, по обычаю, нельзя не только быстро плавать, но и громко разговаривать, а лучше молчать. И уж вовсе недопустимо плюнуть в воду или бросить за борт окурков», – писал А. Петухов (Петухов, 2005: 335). Те, кто пытался опровергнуть легенду, всегда погибали, на плаву оставалась лишь лодка.

Была и Белая яма глубиной в тридцать сажен, где жил Белый водяник. Он редко топил людей, отличался более мягким нравом, но любил шутить над ними. Например, начинал крутить лодку, невод плетью свивал, начинал воздух портить различными запахами, особенно на свадьбе. Черный и Белый водяники часто гостили друг у друга. Если гостеванье шло мирно, то на озерах была благодать, если же водяники вздорили, поднимались волны, вода становилась мутной.

Водяники играли в карты на рыбу, и в зависимости от того, кто выигрывает, больше рыбы было в одном или другом озере. На кон могли поставить и воду. Например, в озере Питк-ярь возникало течение, и вода из Сарь-ярь уходила, а потом возвращалась вместе с рыбой. Но бывали и совсем удивительные чудеса. Герой произведения Степан помнил случай, когда вода ушла совсем: «По дну Сарь-ярь, ровному, как блин, люди ходили и ездили на лошадях, а несколько мужиков даже сбились в артель и распахали десятины три. Овес вымахал – в пояс. Но убрать его не успели: в конце лета вода в Черной яме вдруг забурилась и хлынула из глубины с такой неудержимой силой, что пересохшее Питк-ярь в одночасье превратилось в широкую мутную реку, которая на глазах стала заливать Сарь-ярь», – пишет А. Петухов (Петухов, 2005: 337).

Ему вторит В. Крисанов: «Есть в Шимозере так называемая “черная яма”. Из озера в сторону деревни Пелкаска вытекает ручей, который впадет в небольшое озеро, похожее

на яму. Здесь вода уходит куда-то под землю, и где выходит на поверхность или соединяется с каким другим водоемом – неизвестно. Летом яма была вровень с берегами, а осенью вода высыхала, и там ловили рыбу» (Крисанов, 2014: 7).

Научное подтверждение этим явлениям мы находим в исследованиях этнологов. И. Ю. Винокурова отмечала, что «на территории вепсов есть немало так называемых “периодических” озер, которые временно, иногда на долгие сроки исчезают, а затем появляются вновь, заполняя старую высохшую котловину (Куштозеро, Ундозеро, Шимозеро, Долгозеро и др.). Эти загадочные явления природы объясняли уходом водяного к своему соседу в другое озеро, чтобы отработать у него проигрыш в карты (или другую игру)» (Винокурова, 2003: 429). Приведенный выше отрывок из повести А. Петухова и очерка В. Крисанова в точности совпадают с данными, приведенными И. Ю. Винокуровой, касающимися озер Шимозеро и Долгозеро (Питьк-яр).

Народная память сохранила и предания об этих явлениях. Например, об озере Куштозеро: «Обитатель этого озера (Куштозеро), водяной царь, – страшный любитель играть в карты, в кости и вообще во всякую игру. Однажды он познакомился с Онежским водяным царем, и как тот обладал большим пространством вод и вообще имел больше достатков, да и побольше знал правила игры, то завсегда оставался в выигрыше, но никак не в проигрыше...» или «...И связался с ним играть Куштозерский захолустный царек, но сколько ни играл, все проигрывал. Видно, незадачливый был, а то горячился сильно, а то и вовсе играл плохо. И вот стал Куштозерский царек проигрываться понемногу: сначала денежки, какие были скоплены, спустил, потом рыбу отдать пришлось, а потом и воду из своего озера...» (Криничная, 2014: 165–166).

Н. А. Криничная отмечала, что «мифологический рассказ о водяных-картежниках имеет этиологический характер. В нем содержится наивное объяснение непонятных природных явлений – время от времени случающегося пересыхания водоема с последующим возвращением его к прежнему полноводью» (Криничная, 2014: 55).

Известно, что за непочтительное отношение к воде от нее можно было заразиться болезнями, такими как *veziragan* («водяная болезнь»), *vodänka* (водянка) и другие. Существовал особый запрет ругаться «на воде». Однако водой можно и смыть болезни, поэтому вода в сознании вепсов считалась границей двух миров.

Знакомит В. Пулькин читателей и с другими «хозяевами»: Коди Ижанд – домовый, Ичхейне – своя душа. Ичхейне представлен в образе бородатого босого старика без головного убора во всем белом. Ичхейне единожды в жизни приходит к каждому человеку. «К одному, чтобы забрать у него жизнь, к другому – вселить в его тело болезнь, третьего – попугать только», – так объясняла мать Василию приход к нему Ичхейне. Повзрослев, сам он склонился к версии, что приход Ичхейне – это просто плохой сон. Не сбылось и предсказание матери о том, что кто после прихода Ичхейне останется здоровым, тот будет жить долго. В. Пулькин умер в возрасте 64 лет.

Повесть «Возвращение в сказку» (1986) во многом перекликается с первой повестью В. Пулькина «Азбука детства» (1983), основным отличием которой является то, что практически каждый герой рассказывает сказку, погружая в ее мир читателя. Фольклорный фундамент произведения базируется на знании персонажами пословиц и поговорок, большая часть позволяет судить о крестьянской мудрости: «Людам даешь – сам богатеешь», «Сани готовь летом, а телегу – зимой».

Вепским мифологическим персонажам свойственна семейственность и парность. У духа-хозяина может быть жена, дети и другие родственники. Е. И. Маркова отмечала: «В культуре вепсов по сей день сохраняются рудименты андрогината» (Маркова, 2005: 25). В книге «Азбука детства» В. Пулькин упоминал хозяев леса с учетом их гендерных различий: Мец Ижанд (леший) и Тойне Поль (его жена) следят за порядком с лесу, и если что не так, накажут

нарушителя, но и сами жители стараются не нарушать порядок в лесу из уважения к хозяевам – это же их дом (рассказы «Подпасок», «Лесоруб»).

С. А. Минвалеев писал, что вепсы относятся к лесу как к живому существу и не хотят огорчать его хозяев: «Лесорубу жалко рубить “живые” деревья, <...> но он вынужден зарабатывать себе на хлеб насущный рубкой деревьев» (Минвалеев, 2021: 159). Духи – хозяева земли, поля, зерна, огня, домашних построек (бани, избы, риги, хлева) в художественной прозе указанных выше писателей не представлены.

Местные жители – герои повестей А. Петухова – также знают много примет, поверий, могут рассказать о чудесах, происходящих на воде и в лесу. Например, в повести «Люди суземья» Степан рассказывает легенду о названии мыса Бабыя Нога. Катя знает народные приметы, связанные со свадебным обрядом: когда молодые идут к венцу и жених спотыкается на левую ногу, то он рано умрет, а если на правую, то разведется с женой; или если парень носит шапку на глазах, то он будет изменять, а если на затылке – станет пьяницей. Используют в своей речи пословицы и поговорки, например, «красота человека – в красоте его души». Воткнутая палка в дверное кольцо говорит об отсутствии хозяев в доме и т. д.

Этнографические мотивы в повестях А. Петухова не только украшают текст произведений, но и обладают достоверностью, подтверждаемой научными исследованиями. Особую ценность они представляют еще и потому, что А. Петухов – уроженец с. Шимозеро, которое вместе с близлежащими деревнями Кривозеро, Нажмозеро, Торозеро, Кленозеро, Пелкаска уже, к сожалению, не существует. Информации о традиционной культуре этих поселений сохранилось чрезвычайно мало, в виде незначительных фрагментов ее удастся обнаружить в различных исторических, этнографических и географических источниках, а также в воспоминаниях уроженцев этих мест, ныне живущих вдали от Шимозера. Повести А. Петухова дают бесценные сведения об исчезнувшей вепсской группе – шимозерских вепсах.

Развитие прозы на вепсском языке происходило неравномерно. В первой половине XX в. она в основном была переводной, затем развивалась на русском языке и лишь к концу столетия получила возможность издаваться на родном языке. Главной задачей прозаиков конца XX – начала XXI в. стало создание предпосылок для становления художественной традиции и сохранения вепсского языка. Проза на русском языке представлена достаточно полно, что подтверждают публикации повестей В. Пулькина и А. Петухова, вепсоязычные рассказы и роман ждут дальнейшего развития.

Этнографические и мифологические персонажи повестей В. Пулькина и А. Петухова воссоздают картину мира вепса, показывают его мировоззрение, особенности жизненного уклада и быта. Все эти элементы, несмотря на возможный частичный художественный вымысел, могут служить вспомогательным материалом для исследований этнологов и антропологов, к тому же, как показало исследование, большая часть из них нашла научное подтверждение в трудах ученых, что позволяет сделать вывод о ценности данного материала. Мифологическое наследие способствует раскрытию идентитета народа.

Литература:

- Винокурова И. Ю.** Мифология вепсов. Энциклопедия. Петрозаводск: ПетрГУ, 2015. 521 с.
- Винокурова И. Ю.** Мифология и верования // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 426–436.
- Винокурова И. Ю.** Предисловие // История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей в свете новых источников, методов и подходов (памяти Р. Ф. Никольской). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. С. 5–10.
- Домокош П.** Этот удивительный мир // Ненецкая литература. М.: Лит. Россия, 2003. С. 290–303.
- Криничная Н. А.** Мифология воды и водоемов: былички, бывальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. 388 с.
- Крисанов В.** От первых колхозов и до наших дней: страницы дневников // Kodima. 2014. № 8. С. 7.

- Маркова Е. И.** Проблема гендерной и национальной идентичности в автобиографических повестях современных писателей Карелии // *Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России: учеб. пособие*. Петрозаводск: КарНЦ, 2005. С. 20–31.
- Минвалеев С. А.** Мифология и вепсская литература: жизнь друг в друге // *Вепсский край: история и ее творцы*. Петрозаводск: Verso, 2021. С. 158–161.
- Петухов А.** Избранное: повести для детей и юношества: в 2 т. Т. 2. Вологда: «Полиграфист», 2005. 428 с.
- Пулькин В.** В краю синих озер. СПб.: Б.и., 2016. 320 с.
- Спиридонова И. А.** Вепсская литература: проблемы становления // *История литературы Карелии: в 3 т. Т. 3*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. С. 391–419.
- Титова А. А.** Творчество Василия Пулькина как историко-этнографический источник // *Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 198–206.
- Фотеев Е. П.** Мифологическое наполнение экспозиции Шелтозерского Вепсского этнографического музея им. Р. П. Лонины // *Вепсский край: история и ее творцы*. Петрозаводск: Verso, 2021. С. 154–157.
- Чикина Н. В.** Ингерманладская семья в романе Ю. Конкка «Огни Петербурга» // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / отв. ред.: А. Е. Загребин, М. Ю. Мартынова. М.; Ижевск, 2017. С. 358.
- Чикина Н. В.** Сказки и рассказы селькупки Ирины // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology)*. 2016. Вып. 3. С. 137–140.

Чикина Наталья Валерьевна.

Старший научный сотрудник, кандидат филологических наук.

Карельский научный центр РАН.

Ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, 185910.

E-mail: tchikina@krc.karelia.ru

Материал поступил в редакцию 17 ноября 2022 г.

N. V. Chikina

ETHNOLOGICAL TROPES AND MYTHOLOGICAL FIGURES IN VEPS PROSE²

The article analyzes the autobiographical short novels of Veps prose by V. Pulkin and A. Petukhov as valuable sources of historical-ethnographic material. The theoretical basis for the study is formed by the works of I. Vinokurova, N. Krinichnaya and I. Spiridonova. The study is guided by the need to bring new sources about the life of the Veps people into the scientific discourse. The methodology is based on a systematic approach using the methods of comparative historical, structural semiotic, and holistic textual analysis. The tasks for the study were: Identification and characterization of the main mythological figures in the Veps prose, description of the ethnographic elements (architecture, life routines, rites), and evaluation of the representativeness of the literary material. One of the contemporary problems is the integration of narrative forms and the transformation of the data obtained from them for use in various scientific fields. The literature of the Veps was studied by N. Zaitseva, A. Mishina, Z. Strogalschikova, but the ethnographic elements, and mythological figures, which are part of the culture of this ethnic minority, remained in the periphery of theoretical conceptualization. The scientific novelty consists in the inclusion of ethnographic tropes in the analytical context of studies of ethnic minority literature.

In analyzing the prose of Veps writers, the author identified and characterized mythological figures: Mecizand (the forest master spirit), Kodinizand (the house master spirit), Ičheine (one's own soul), Vedehiine (the water master spirit). The article briefly describes the ethnographic elements of the Veps culture found in the short novels: Home interiors, Rites, and Beliefs. It is stated that Veps' prose is based on the principles of topicality, historicism, autobiographism, and commemoration. The ethnographic elements and mythological characters in the short novels of V. Pulkin and A. Petukhov are authentic, confirmed by scientific findings from historical, geographical, and other sources. Fiction can provide science material but with deductions for the fantasy element.

Keywords: *prose, Veps people, literature, mythology, masters*

² Financial support for research was carried out from the federal budget for the implementation of the state task of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences No. 121070800089-0.

References:

- Vinokurova I. Yu.** Mifologija vepsov: jenciklopedija [Veps mythology: an encyclopedia]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 2015. 521 p.
- Vinokurova I. Yu.** Mifologija i verovanija [Mythology and beliefs] // Pribaltiisko-finskie narody Rossii [Baltic Finnic peoples of Russia] / Eds.-in-Charge E. I. Klementjev, N. V. Shlygina. Moscow: Nauka, 2003. P. 426–436.
- Vinokurova I. Yu.** Predislovie [Foreword] // Istorija i tradicionnaja kul'tura narodov Karelii i sopredel'nyh oblastej v svete novyh istochnikov, metodov i podhodov (pamjati R.F. Nikol'skoj) [The history and traditional culture of peoples of Karelia and adjacent regions in light of new sources, methods, and approaches (in memoriam R. F. Nikolskaya)]. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2018. P. 5–10.
- Domokosh P.** Ehtot udivitel'nyj mir [This be amazing world] // Nenetskaya literatura [Nenets literature]. Moscow: Lit. Rossiya, 2003. P. 290–303.
- Krinichnaya N. A.** Mifologija vody i vodoemov: bylichki, byval'shhiny, pover'ja, kosmogonicheskie i jetiologicheskie rasskazy russkogo Severa [The mythology of water and reservoirs: bylichka, byvalshchina, popular beliefs, cosmogonic and ethyological tales of the Russian North]. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2014. 388 p.
- Krisanov V.** Ot pervyh kolhozov i do nashih dnei: stranicy dnevnikov [From the first collective farms to our days: diary pages] // Kodima. 2014. No. 8. P. 7 (in Russian).
- Markova E. I.** Problema gendernoj i nacional'noj identichnosti v avtobiograficheskikh povestjah sovremennyh pisatelej Karelii [The problem of gender and ethnic identity in autobiographic short novels by contemporary writers from Karelia] // Gender v tvorčestve sovremennyh pisatelej korennyh narodov Evropejskogo Severa Rossii: ucheb. posobie [Gender in the literary works of writers belonging to modern indigenous nations of North European Russia: a textbook] / Compiler and Sci. Editor E. I. Markova. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2005. P. 20–31.
- Minvaleev S. A.** Mifologija i vepsskaja literatura: zhizn' drug v druge [The Mythology and Veps literature: life a friend in friend] // Vepsskij kraj: istorija i ee tvorcy [Veps country: history and its creators]. Petrozavodsk: Verso, 2021. P. 158–161.
- Petukhov A.** Izbrannoe: povesti dlya detej i yunoshestva: v 2-kh t. Vol. 2 [Elected: tales for children and youths]. Volgoda: Poligrafist, 2005. 428 p.
- Pul'kin V.** V krayu sinikh ozer [In blue lakes country]. St. Peterburg: B.i., 2016. 320 p.
- Spiridonova I. A.** Vepsskaja literatura: problemy stanovlenija [Veps literature: formation problems] // Istorija literatury Karelii [The history of the literature of Karelia] V. 3. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2000. P. 391–419.
- Titova A. A.** Tvorčestvo Vasilija Pul'kina kak istoriko-jetnograficheskij istochnik [Fiction by Vasily Pulkin as a historical and ethnographical source] // Vepsy, karely i russkie Karelii i sopredel'nyh oblastej: issledovanija i materialy k kompleksnomu opisaniju jetnosov [Veps, Karelians and Russians of Karelia and adjacent regions: studies and materials for an integrated description of the ethnic groups]. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2016. P. 198–206.
- Foteev E. P.** Mifologicheskoe napolnenie ekspozicii Sheltozerskogo Vepsskogo etnograficheskogo muzeya im. R.P. Lonina [Mythological filling to exposures R.P. Lonin's Veps ethnographic museum in Shyoltozero] // Vepsskij kraj: istorija i ee tvorcy [Veps country: history and its creators]. Petrozavodsk: Verso, 2021. P. 154–157.
- Chikina N. V.** Ingermanladskaia sem'ja v romane Ju. Konkka «Ogni Peterburga» [Ingrian family in J. Konkka's novel "The Lights of Petersburg"] // XII Kongress antropologov i jetnologov Rossii: sb. materialov. Izhevsk, 3-6 iulja 2017 g. [12th Russian Congress of Anthropologists and Ethnologists: Proceedings. Izhevsk, July 3–6, 2017] / Eds.-in-Charge: A. E. Zagrebin, M. Yu. Martynova. Moscow; Izhevsk, 2017. P. 358.
- Chikina N. V.** Skazki i rasskazy sel'kupki Iriny [Fairy tales and stories of the Selkup Irina] // Tomskij zhurnal lingvističeskikh i antropologičeskikh issledovanij [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. 2016. Iss. 3. P. 137–140 (in Russian).

Chikina Natalya Valerevna.

Senior Researcher, Ph.D.

Karelian Research Centre RAS.

Pushkinskaya St., 11, Petrozavodsk, Russia, 185910.

E-mail: tchikina@krc.karelia.ru